

Литературный МОЯК

№ 11
(250)

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и подходит к концу ещё один год. Близятся волшебные новогодне-рождественские дни и ночи: ёлка, мандарины, шампанское, подарки...

Снежок поскрипывает, мороз пощипывает, щёки ребятшек румянятся... Нашему здоровью по-прежнему «полезен русский холод»! Потому что у нас есть Россия, у нас есть Пушкин... У нас есть милая наша «Во-ло-гда» (окатистое доброе слово)...

Есть Рубцов и Чухин, Романов и Коротаев, Чулков и Фокина, Белов и Багров... Открывай и читай их книги, дыши, чистым как воздух в лесу, русским словом...

В этом году, что особенно меня радует, загорелся в селе Кубенском, в районной библиотеке, «Фонарик» - клуб детского чтения и творчества (вслед за таким же клубом «Открытая книга» в областной детской библиотеке). Если наши дети любят книгу и чтение, то мы можем надеяться на доброе, сострадательное и милосердное будущее.

В этом году я много встречался и с читателями, и с пишущими людьми. Во время одной из встреч, в посёлке Федотово, я познакомился с Анной Киященко, стихи которой есть в этом номере, и с Любовью Николаевной Демчук, стихотворением которой я и закончу эту колонку.

Любовь ДЕМЧУК

Прекрасен тихий зимний лес,
В снега укутался послушно.
Там нет таинственных чудес,
В нём так спокойно

и нескучно.

Чарует чистый мягкий снег,
Спит до весны

медведь-владыка...

И нарушать покой тот грех,
И я слагаю рифмы тихо.

Пусть слагаются рифмы и строчки, пусть читаются добрые книжки, пусть на улице будет мороз, а в доме тепло... Пусть будет побольше добра и радости в новом году. Счастья!..

Дмитрий
ЕРМАКОВ.

Вот и кончается декабрь, скоро январь - самый «рубцовский месяц»... Всё не гаснет над Русью его звезда...

Николай РУБЦОВ

Звезда полей

Звезда полей,
во мгле заледенелой
Остановившись,
смотрит в полынью.
Уж на часах
двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...
Звезда полей!
В минуты потрясений
Я вспоминал,
как тихо за холмом
Она горит
над золотом осенним,
Она горит
над зимним серебром...

Звезда полей горит,
не угасая,
Для всех тревожных
жителей земли,
Своим лучом приветливым
касаясь
Всех городов,
поднявшихся вдали.
Но только здесь,
во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я,
пока на свете белом
Горит, горит
звезда моих полей...

В уходящем году вышла в свет новая книга писателя из Великоустюгского района Николая Алешинцева - «Волоковое поле». В ней есть и уже знакомые читателям повести, рассказы, очерки, есть и новые... Книга хорошо издана, отредактирована. Её приятно взять в руки, а ещё приятнее читать. Поздравляю автора и читателей (надеюсь, что книга поступит в библиотеки области).

Представляю очерк (в сокращении), давший название всему сборнику...

Николай Рубцов

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Волоковое поле

Сразу за нашим домом начинается большое, трудное к обработке волоковое поле. Трудное, потому что на склоне, потому что глинистое и каменистое. Но главная трудность - в определении его готовности к обработке. Сырая почва тащится за агрегатом и уплотняется, пересушенная - никаким способом не разделяется до нужного состояния. Если же удалось угадать тот момент, когда почва крошится, гарантирован хороший урожай отборного, полноценного зерна. Многие века кормило это поле православных, многие века это поле было домом для зверей и птиц и никогда их не подводило. Любо было слышать весенним утром токование тетеревов, слышать щебетание, посвисты птичьей мелюзги, радостные крики прилетевших журавлей и видеть перелёты огромных стай полевых рябчиков. А летними вечерами первозданную тишину нарушал и оживлял таинственный «бой» перепелов. Чуден мир детства, жаль, что не вечен. Жаль, что приехавшие погостить ребята уже не увидят и не услышат того, что видели и слышали мы и что потеряли в

вечных баталиях человечества за место под солнцем, за полный живот и кошелек. Довоевались! Живёт ещё поле, но как и многие поля России, заброшено, не ухожено. Скоро некому будет восхищаться его весенним пробуждением. Не у кого будет спросить, почему оно так названо. А всё очень просто: дальняя оконечность поля упирается в пронизанные конными волоками хвойные леса. Словно нити трудолюбивой швеи, вышивающей замысло-

ватый узор, волока связывают между собой деревни и хутора, образуя единую общность, крепя трудовые, торговые и родственные связи. Эти же волока выводили деревенских жителей к трактам, по которым можно было доехать до больших и малых городов. По этим волокам уходили в армию прадеды, деды, отцы, сыновья, по ним же возвращались те, кто остался в живых. Слышим ли мы, как ликовали их души при первом же шаге на залитую солнцем обочину родного поля? Как плакали, задыхаясь и вскрикивая, матери тех, кто не вернулся? Не слышим, видимо, коль позволим себе бросить ту землю, за каждую пядь которой заплачено горячей родственной кровью. Не оттого ли так беспокойно, а иногда и несправедливо проживаем отпущенные нам дни?

У нашего поэта Сергея Викулова есть такие строчки:

«Всему начало -
плуг и борозда.
Поскольку борозда
под вешним небом
Имеет свойство
обратиться хлебом.
Не забывай
об этом никогда!»

Трудно сказать лучше. Поле жизни, волока, с помощью которых мы расширяем кругозор, труд во благо - это непоколебимые основы жизни. Сейчас так не считается. Редкостью на Севере стало колосящееся золотом поле. Да чего там, деревень и жителей в них всё меньше и меньше. Если бы на месте каждой деревни поставить памятный крест, то на модных сейчас съёмках дронами мы бы увидели сплошные кресты, памятные и безмолвные. Не отсюда ли это рубцовское: «Кресты, кресты. Я больше не могу...»? Горько и больно это осознавать.

Поле волоковое. Небольшое, по меркам южных полей. Но Родину не измерить гектарами и сантиметрами. Как не измерить часами и минутами время нашей жизни. Но можно его запомнить и рассказать тем, кто начнёт свой путь позже. Показать жизнь такой, какой она была и где-то ещё есть, с её радостями и невзгодами, с подлостями и благородством, и обязательно с любовью. Дай Бог, чтобы то, о чём мне удалось написать, нашло отклик в вашей душе. Дай Бог, чтобы русское поле дождалось новой весны, а по знакомым из рассказов родителей волокам в родные места вернулись их дети и внуки. Дай Бог!

Алексей Викторович Полубота, поэт, прозаик, журналист. Секретарь Союза писателей России, ответственный секретарь Комиссии по сохранению творческого наследия имени Н.И. Тряпкина. Сопредседатель клуба «Словороссия». Живёт в подмосковном Реутове.

**НИКОЛАЮ ТРЯПКИНУ
И хлеба колосились
буквально у самой избы...
Н.И. Тряпкин**

В этом поле жухлые колосья
Смертному о смертном говорят.
Только ветер шепчет
в безголосьи,
Облака скрывают солнца взгляд.

Русь моя! Вселенское терпенье,
Сколько ран на сердце -
не сочтёшь...
Столько лет зияет запустенье
Там, где раньше
колосилась рожь.

Где глядел
влюблёнными глазами
На луга, задворки и стога
Светлый отрок,
что прозрел стихами
В страшный час
нашествия врага.

Дорогой наш, Николай Иванович!
Помолчим у твоего Креста.
Наша жизнь -
промозглые туманы.
Наша жизнь - о солнышке мечта.

Верю я - ещё заколосится
Это поле хлебной теплотой.
И взвьётся жаворонок-птица
Над воскресшей
нашей стороной!

Евгений Некрасов известный на Вологодчине журналист (он был главным редактором газет «Вологодский комсомолец» и «Красный север»). Загруженность журналистской работой не позволила Евгению Викторовичу в молодости раскрыть свой поэтический талант. Сборники стихов стали выходить один за одним после его ухода из журналистики. В этом, юбилейном для Евгения Викторовича году (70 лет), вышел уже одиннадцатый сборник - «Покоя думы не дают». Предлагаем читателям некоторые стихотворения из новой книги.

Заслонили листвою небо
клёны,
разрослись,
раздались,
загустели!
Я сжал их
парнишкой зелёным.
А теперь уж
Виски поседели.

Сколько гроз,
снегопадов,
метелей
пережили их чуткие кроны!
Соловьи сколько
песен пропели -
напророчили счастья
влюблённым...

А я здесь не бывал
уже вечность,
ветром странствий
по жизни носимый.
На потом всё
откладывал встречу
со сторонкой своею родимой.

Алексей ПОЛУБОТА

«На студеных ветрах, вышибающих слезы...»

НИКОЛА ЗИМНИЙ
Печаль земли
принакрывает снег...
И время замедляет жёсткий бег.

Быть может,
будет кратким снежный век.
Сплетенья веток,
как изгибы рек,

Тех, что впадают
в Вечный океан.
Ах, этот снег -
крестившийся шаман!

И кажется: сам зимний Николай
Приоткрывает двери
в тихий рай.

И, забыв про пищу и ночлег,
Бредёт, бредёт по снегу
человек.

**ОТЦУ АНДРЕЮ
(ЛАЗАРЕВУ)**

Автобус едет ниоткуда,
автобус едет в никуда.
Здесь вряд ли кто-то
верит в чудо,
и чья-то светится звезда.

Я выхожу на остановке,
где с глазом выбитым фонарь,
и просит «на пузырь» неловко
какой-то спившийся бунтарь.

Промозглый сумрак
накрывает
приволжский бедный городок.
А в церкви свечи возжигают,
читают: «Да воскреснет Бог...»

Зима напоследок
примерила заячью шубку.
Над городом древним
звонит её смех молодой.
Апрель на носу уж,
но ухарь-мороз не на шутку
Сжимает мою
без покрова перчатки ладонь.

Здесь сахарный снег повкусней,
чем владимирский пряник,
Сверкают сосульками
тихие стены церквей.
Прекраснейший Суздаль
врачуется сердечные раны,
Но тем лишь, кто верит
объяввшей его синеве.

Вновь баюкает грусть кукушка,
Пробивается юный пушок
У берёзы на дальней опушке
За развилкой былинных дорог.

Вдохновенные кони заката
Скачут вдаль
над волнами холмов.
Вот опять Русь певуче-крылата
И не знает своих берегов.

А электричка мчится в лето,
Москву оставив позади.
Поляной, до корней согретой,
надежда теплится в груди.

Мне даже кажется, я слышу
сквозь шум и перестук колёс
как, млея,
счастьем травы дышат,
Струится шепоток берёз.

Фото: artfile.me

В волнах зелёных
иван-чая
Зарозовели маяки...
Вдруг за собой я замечаю -
тоска ослабила тиски.

ОБРЫВ

Мы стояли над обрывом,
а под ним плескалось море,
и сушил горячий ветер
наши губы и сердца.

Чтобы их смочить, мы пили
терпкий розовый напиток,
и смеялись наши губы,
и туманились глаза.

И казалось бесконечным
море жёлто-голубое,
и в сухих колючих травах
прятался от ветра зной.

И не верилось, что близко

в душном мареве
Ковыльном
в окровавленном окопе
кто-то жизнь кладёт за нас.

Отчего здесь такие
горячие звёзды?!
Даже могут насквозь
твоё сердце прожечь.
На студеных ветрах,
вышибающих слёзы,
здесь так трудно
остатки надежды сберечь.

Этот сумрачный гул
из-за тьмы терриконов,
словно зыки разбуженных
бесов войны.
Но сильнее всё равно
светлых глаз непреклонность
среди разорванной
в ключья ночной тишины.

Евгений НЕКРАСОВ

«Пусть хлынет на землю с небес чистота!..»

Вот сподобился...
Грустный,
гуляю...
Очарован аллеей кленовой...
Шепчет кто-то мне:
«Эй, непутёвый...»
Целый день.
Голос чей?
Я не знаю...

По навесу
звонко дождь стучит -
будто в пляс неистово пустился.
Кое-как от ливня укрывшись.
Он плеснул неожиданно
вдруг в ночи.

Из болота накатилась туча.
Загустила
тёплый летний мрак.
Я слонялся по деревне
просто так,
тягостной бессонницей измучен.

Размышлял,
бродя в тиши ночной,
что подходит жизнь
уже к закату.
Улетит душа моя куда-то
в неизвестный край мне
неземной...

Щедро налил дождь
с небес воды.
Растеклась она
широко и опасно...
Дорог сердцу
этот мир прекрасный!
В нём горит огонь
моей звезды.

Вот иссякнет туча.
И за нею -

Фото: chaikne.ru

в чистой
просветлённой глубине
звёздочка мигнёт
лукаво мне.
Душу успокоит
и согреет...

КОСТРУ

Дымок клубится
стружкой едкой.
В золе мерцают огоньки.
Теперь,
костёр,
с тобой мы редко
проводим ночи у реки.

Теперь с твоим
печным собратом
мы закадычные друзья.
Поленья в устье ухватом
ему проталкиваю я.

Он зол,
прожорлив,
ярок,
весел.
Он в русской печи
бог и царь.
Он жаркий труженик!
Но тесен
служения его алтарь.

Он рвётся,
рвётся,
рвётся в небо.
Да печи высока труба.
Он на земных просторах
не был.
И звёзд не видел.
Не судьба...

Я тоже нынче
к тёплой печи

прикован милостию лет.
Костёр!
Твой брат мне
хвори лечит.
А душу
твой врачует свет!

Дыханьем зимы
напиталась природа,
Но редок над крышами
дым из печей.
Осенняя,
с частым дождём
непогода
в тепло городское
прогнала людей.

Без дачного гвалта
деревня милее,
безлюдье поэтому
радостно мне.
Пустынно и голо
В кленовой аллее.
От листьев опавших
округа в огне!

Пожар золотой
душу солнечно греет,
хоть пасмурно небо,
будёна река.
О будущем мысли
сегодня бодрее.
И беды
счастливы забылись пока.

Жду щедрой,
набитой снежинками тучи.
Пусть хлынет на землю
с небес чистота!
Морозная выветрит
мир красота,
и сердце наполнится
радостью жгучей.

Продолжаем публикацию «рассказок» Воздушного Шарика, которые записала и подарила нам Светлана Чернышёва.

**Светлана
ЧЕРНЫШЁВА**

Рассказка о том, как отметить зимний день рождения

У Аси всегда был день рождения тридцать первого декабря. Хорошая дата, новогодняя. Все ёлку украшают мишурой и блестящими шарами, а моя волшебница конфеты жуёт, свой праздник отмечает. Конечно, без подарков в такой день точно не останешься, но гости вряд ли именно к тебе придут, потому что Новый год уже за дверью стоит.

Первую половину дня Ася ещё как-то держалась на сладостях, а потом ей взгрустнулось. Хорошо хоть Мишка появился, весёлый такой, в костюме скомороха. Сначала он носился по ёлке и всякие фокусы показывал, а потом решил стихи сочинить.

- Вот ещё, - заносчиво отклонила предложение Ася, - стихи поэты сочиняют или хотя бы воздушные шары.

Но Мишка знал, что день рождения нужно спасать, пока он плавно в Новый год не превратился. Конечно, он и ручку нашёл, и открытку новогоднюю. Её не успели ещё никому подписать, и Мишка принялся за дело.

- Кто родился в Новый год, Тот...

Тут Мишка усиленно стал ёрзать на стуле.

- Тот, тот...

Асе стало жалко сочинителя, она забоялась, что он упадёт со стула, поэтому сказала:

- Увидит теплоход.

Мишке очень понравилось. А дальше пришлось самому голову ломать.

- Будет он на нём кататься...

- И кикимору бояться.

Тут Мишка призадумался, потому что он с мамой и папой летом на теплоходе катался, но ни одной кикиморы не видел. И даже лешего на реке не было, и бабы-яги тоже.

- Будет трескаться он конфеты...

- Продавать гостям билеты, - уже со смехом дополнила Ася.

- Билеты - это хорошо, - похвалил Мишка, - если они в цирки или в кино с подкормом, то на этом дне рождения можно заработать как минимум ещё на один теплоход.

Купит личный теплоход, Кто родился в Новый год!

И Мишке так сочинительство понравилось, что он ещё и рисунок нарисовал с надписью: «Лишний теплахот».

А потом за ним мама пришла, чтобы увести Новый год отмечать, в кровати с конфетами. Ася доела свои конфеты, залезла под ёлку и уснула. Наверно, ей снился теплоход с билетами, конфетами и личной кикиморой.

ФОНАРИК

страница творчества
детей и для детей

фото: plessee.ru

Рассказка о том, что лучше не примерзнуть к скамейке

Сегодня Ася решила поиграть с Мишкой. А тот, как всегда, на улице торчал, причём в любую погоду. Конечно, мы его не сразу нашли, так как у него в этот день было плохое настроение, и он сидел один на скамейке в заснеженном детском городке.

- Миш, а давай поиграем, - застенчиво позвала Ася, - вдвоём веселее...

А он посмотрел как-то не по-доброму, и говорит:

- Как я с тобой играть буду, если у тебя нет игрушечной

машинки?

А Ася, она предприимчивая, всегда найдёт ответ:

- Зато у меня шар есть воздушный.

Но Мишка, он тёртый калач оказался, сразу сказал, как отвесил:

- Я сегодня дружу с теми, у кого есть мальчишечьи игрушки.

И он уже хотел встать и уйти, но то ли к скамейке примёрз, то ли просто зацепился курткой, в общем, пришлось ещё Асю послушать.

- А пойдём на большой машине кататься, я тебе разрешу за руль сесть, - предложила моя почти волшебница.

Тут Мишка быстро от скамейки оторвался, дело-то важное намечалось.

- А где же, - говорит, - мы машину такую найдём, на папиной, что ли, поедем?

- Зачем на папиной? - удивилась Ася. - Можно и на моей. Смотри, какая красивая, голубая, с жёлтыми фарами. Вот, прямо перед тобой стоит, бери ключи и поехали.

А Мишка, он ведь обычный, совсем не волшебник оказался. Глаза трёт, а ничего увидеть не может.

- Это, - говорит, - шар у тебя голубой с жёлтыми глазами, а машины нет никакой, хоть тресни.

Отвернулся от нас и поплёлся опять примерзнуть к скамейке. А Ася как замашет руками да закричит:

- Поехали быстрее, а то машина замёрзнет, потом мотор придётся разогревать...

Мишка остановился, видимо, сообразил, что нужно быстрее в путь отправляться.

- Ладно, - говорит, - поехали, только твою машину снегом замело, потому что я её разглядеть не могу. Разгрести придётся.

Лопату он быстро нашёл, для такого важного дела можно хоть десять раз домой сбегать. А Мишка один только раз и сгонял. Да так принялся за дело, что чуть и взаправду машину не откопал, а не понарошку.

- Слушай, а давай на нашей машине всех ребят покатаем, кабина-то, посмотри, какая большая, видимо, грузовик. А ещё у моего папы возьмём причеп, почти поезд получится. Здорово, правда?

Ася согласилась, а оставшаяся малышня целый день носилась по двору, как угорелая, и все гудели: «Ду-ду». А Мишка громче всех, он был настоящим машинистом. И больше никогда не примерзал к скамейке.

По своим делам

Пошли мы как-то с Ванькой и дедушкой на зимнюю рыбалку, а с нами его породисто-охотничья собака увязалась по кличке Беляш. Деда ему:

- Беляш, домой! Кому сказал!

А Белья отпрыгнет в сторону, сядет, и делает вид, что как будто он только досюда нас проводить хотел, а дальше-то вы сами. Но стоит нам отвернуться - снова бежит. Улыбается и хвостом машет, машет - хитрец такой.

Через полчаса мы у лесопилки были, с горы спустились и на середину реки вышли. Деда лунки просверлил, мы удочки забросили, а наша хитропородистая собака водички полакала и у ног охранять улеглась. Калачиком свернулась, зевнула и уснула.

Так мы и просидели полдня. Деда всё время усами шевелил да приговаривал: «Какой здесь воздух! Надышаться не могу!» Мы с Ванькой ловили пескарей. С берега вкусно пахло свежими опилками. А Беляш нас охранял.

Сидим, удим, вдруг Ванька как подпрыгнет! Да как крикнет:

- Заяц!

А я за ним и тоже давай орать:

- Где?! Где?!

Заяц услышал наш крик, замер и давай принохиваться: «Чем это там от мальчишек пахнет? Не меня ли хотят изловить?» Сам полностью белый, и только кончики ушей чёрные.

Деда тоже встал, на него посмотрел.

- Вот так диво! - говорит. - Ни нас, ни собаку не боится.

Я подумал: «Ну всё! Сейчас начнётся. Охотничьи собаки - они же добытки, зайцев на обед и ужин едят!»

А наш Беляш только голову приподнял, гаркнул раз: - Уаф! - подождал, когда к нему эхо вернётся. - Аф, аф, аф... - и обратно мордой в сугроб уткнулся.

Заяц-беляк чуть от смеха не умер. Он, наверное, подумал: «Ха-ха! Что за бестолковая собака! Ещё и охотничьей породы. Просто балбес, а не Беляш!» Выпрямился, расправил плечи и поскакал по своим заячьим

Денис МАКУРИН

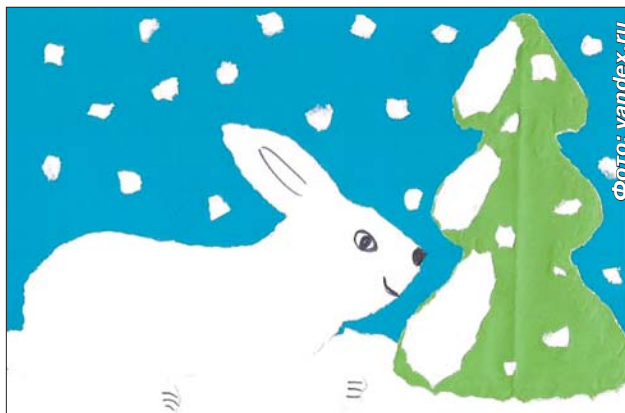

Фото: yandex.ru

делам - вдоль наших следов да на гору, откуда так вкусно пахло свежими опилками.

Деда крикнул:

- Беги, беги! Пока цел. - и наподдал вдогонку свистом.

Ванька сел обратно и пробурчал:

- Да просто дичь маловата. Вот если бы это был кабан секач или зебра, тогда бы другое дело.

А я подошёл к Бельке, смахнул с него снежинки варежкой и сказал:

- Причем тут зебры? Попросту Белька наш - добрая собака.

Веник

Щенок по кличке Веник вытащил из-под крыльца сапог, нахлобучил его на самовар и начал раздувать угли - шух, шух, шух... Через минуту показалась струйка дыма.

«Эх, забыли... - протянул Веник. - И отлучился-то ненадолго, а они!»

Бум! - нервно стукнул хвостом по крыльцу. Бум - второй раз, но уже не так сильно.

«Ничего! - подумал Веник. - Перезимую. Чего уж

теперь. Буду горячий чай пить, пироги с брусничкой печь. Заяца, за которым сегодня весь день гонялся, в гости позову, всё веселее».

Опять взял в лапы сапог и снова начал раздувать самовар - чух, чух, чух...

В это время подул сильный ветер, листья сорвались с деревьев и закружили хоровод.

«Листопад, это красиво! - сказал щенок. - Даже очень! Я такого ещё никогда не видел». Тут один листик облетел его несколько раз и медленно-медленно приземлился Венику на нос. Он свёл глаза, разглядывая осенний подарок: «Красиво. И загадочно», - добавил пёс. А затем фыркнул, чтобы его стряхнуть.

Бум! - опять стукнул хвостом по крыльцу. - Бум, бум. Неожиданно что-то зашипело и забрякало. Веник обернулся на кипящий самовар и понял, что пора пить чай. Он принёс из домика засушенных листочков смородины и мяты. Заварил, настоял.

Поёжился от холода и, держа кружку двумя лапами, сделал глоток. «Теперь тепло и уютно, - подумал он. - Теперь не пропаду. А весной на уток охотиться пойду». Так он сидел до самого вечера, вздыхал, пил горячий чай и любовался золотым листопадом. А когда солнце скрылось за макушками деревьев, и Веник собирался уходить в дом, до него вдруг донёсся звук урчащего мотора.

Через несколько минут возле калитки остановился автомобиль. Но не успела ещё хлопнуть дверца, а хвост у щенка уже мотался из стороны в сторону, работая как веник.

Скрипнула калитка, и наш щенок, не помня себя от радости, заскакал на задних лапах, забыв про чай, листопад и пироги с брусничкой. Теперь у него вилял не только хвост, в эти минуты он весь ходил ходуном. Веник так обрадовался, что даже потерял дар речи. Только и слышно было: «Тяф! Тяф! Тяф!»

А сильные мужские руки потрепали щенка за ушами, и такой родной, такой спокойный голос вдруг сказал: «Ну, где тебя носило, дурень? Весь день ищу».

Два стихотворения Анны Киященко

Не так давно я встречался с читателями в библиотеке посёлка Федотово. Среди тех, кто пришёл на встречу, были и те, кто сами пробуют писать стихи и прозу. Свою недавно выпущенную книжку «*Всё внутри*» подарила мне Анна Киященко. Приведу здесь пока лишь два стихотворения. Кто-то скажет: всего два из книжки? Я отвечу: во-первых, два хороших стихотворения - это уже немало, а во-вторых - это ведь ещё только начало... Анне я желаю дальнейшего творчества, жду от нее и стихи, и прозу. Да-да, она и прозу пишет, и что-то мне подсказывает - прозу интересную...

Д. Е.

Я, КАК...
Я, как берёза, осыпаюся
Пожухлым золотым листом,
И лишь едва земли касаясь,
Забуду напрочь обо всём.

Я, как трава в крутых оврагах,
Склоняю голову под снег.
Он, словно чистая бумага,
Сумеет защитить от бед.

Я, как холодный дождь осенний,

Наотмашь землю бью водой,
А голые деревья-тени
твердят о жалости с мольбой.

Я, как насквозь промокший
зонтик,
Что ветра вывернул порыв.
Приютом станет
старый мостик,
Меня за руку зацепив.

Я, как туман неугомонный,
Вползаю утренней змейёй

Сквозь городок
молчаще-сонный,
Хвостом сметя его покой.

Я прихожу, когда не спросят,
Когда от слёз больны глаза.
Я - увядание, я - осень,
Птиц перелётных голоса.

СНЕГ И Я

Ложится снег мне на ладонь
И тут же тает.
Стремится к нам на землю он,

Того не зная,
Что зря торопится прийти,
Укутать в саван
Мои остывшие мечты,
Мечты о главном.
Укрыться вот бы с головой
И спрятать ноги,
Чтоб этой снежною порой
Мне не продрогнуть.
А снег бездушный всё идёт,
Приносит стужу.
Никак упрямый не поймёт,
Что мне не нужен.

Вот если бы укрыть весь мир
Теплом ладоней -
Но только мне не хватит сил,
Он так огромен.
И кружит снег свой хоровод,
Меня влетая
Снежинкой, пущенной
в полёт,
Того не зная,
Что тяжела я на подъём -
Душа замёрзла -
Согрел бы кто меня теплом,
Пока не поздно.

Виталий Ламов живёт в Тарногском районе, пишет замечательную прозу (и почему он до сих пор не член Союза писателей?). Вот как, совершенно по-своему, раскрывает он «рубцовскую тему»...

Рубцовские «Чтения»

Сердце охотника трепыхнулось и куда-то юркнуло, нырнуло в дальний уголок, словно пичуга под куст от налетевшего ястребка. Выбегающая из-за поворота торопливая речная струя, постепенно успокаивающаяся ближе к плёсу, несла на своей поверхности белоснежную, видимо, северную, перелётную утку. А охотник торчал на совершенно открытой береговой луговине с таким чувством, будто его застигли нагого лица противоположного пола. Надо бы укрыться, но поздно, да и некуда. Одна надежда на неподвижность и невзрачную цветом охотничью одежку.

В эту осень охотник для знакомого и близкого, как лучший друг, леса, для местной речки, для родной деревни с медленными, но верно затухающей человеческой жизнью, для всей этой малой и милой родины был эмигрантом. Этот «ярлык» охотник приклеил себе сегодня, когда бродил старыми, всеми забытыми и с трудом уже находимыми дорогами, ложбинами ручьёв и просеками в поисках рябчиков. Подспудно лелеялась мечта о вовремя замеченном белеющем зайчике или глухарике... нет, - глухарике! - на сосне. На что ещё можно было надеяться бессобашнику?

Впрочем, охотник и не стремился добыть любыми путями побольше дичи. Ему бы только всколыхнуть, окрылить одним-разъединственным метким выстрелом душу, развернуть её, словно гармошку, во всю длину мехов. При всём при этом охотник отлично знал по прошлому опыту, особенно опыту последних пожилых лет, как та же душа свернётся обратно в жалостливый страдальческий комочек, занимая место кратковременной эйфории. Охота, как наиболее правдивое и яркое проявление жизни, самым обострённым

образом даёт понять всю противоречивость бытия.

«...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, дружю».

Охотнику надо было немного, и в этом была его сила. Он не тянулся к должностям, деньгам, машинам, осознавая всю никчемность этих вещей. В отличие от тех, чья сила была прямо противоположной: в обладании многими дорогами «игрушками» или властью. Была мечта завести новое, красивое и ронкое* ружьё и даже карабин. Ушли и эти охотничьи мечты, сгорели, оставив лишь пепелок грустинки. Теперь ему было достаточно старенькой «ижевки». И он теперь понимал, в чём заключается сила отшельников, которым кроме веры и молитвы почти ничего не нужно. Жестокость и несправедность человеческой жизни в любое время может отнять всякое имущество... Веру и молитву - только с жизнью.

Сам охотник, всё же, был далёк от аскетизма и не стремился быть сильным, чтобы абсолютно выбраться из плена желаний и греховного бытия. Некоторые его устремления были честолюбивы, а значит, греховны, но он позволял

себе оставаться слабым. Пока позволял. Сегодня охотник в полной мере впитывал радость от общения с родным лесом. «Малая родина» не отстояла от него за тридевять земель, не была за морями-океанами и не закрывалась «железным занавесом». Всего-то «полтинник» вёрст, правда, в некоторые месяцы, на стыке сезонов, - непроезжих. Добровольный «плен» новых привязностей и обязательств разлучал его с прошлой жизнью. Его ещё не забыли здесь и с надрывом ждали там. Пнёвая труха прежних отношений отталкивала, а каповый нарост на молодом и здоровом стволе любви препятствовал встречам с милой, родной сторонкой. Встречи с ней имели каникулярный характер: редко, мало и скоро.

И вот встреча - позднеоктябрьская, запоздалая и грустная. Грустная и печальная не от времени года: осень - распрекрасное время для охотника. Невесёлые раздумья наводила прицепившаяся строка Николая Рубцова: «...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую». Зачем написано? Зачем прочитано? Охотник брёл куда-то лесами своей прежней жизни, меланхолично

Виталий ЛАМОВ

подзывал в пищик рябчиков и размышлял о своём предательстве к красоте родного уголка. Он чувствовал себя грешником, изменившим своей вере и поэтому - слабым.

...Речной стрежень прижался к противоположному берегу, и утка заплыла за травянистый мысок, предоставив охотнику свободу действий. Рябчинные номера вон! Патронники алчно заглотили патроны с «двойкой» и с поддержкой пальцами спусков бесшумно захлопнулись стволы. Теперь наклониться... нет-нет, ещё ниже! На колени и вперёд! По ложбинке и как можно ближе к заводинке, укывшей дичь... Когда охотник подполз, выставил шею, словно перископ, и глянул на речку, его взгляду предстали три белых, как будто из пенопласта, комка пены. Им, по своей легковесности, не дано было вырваться из прибрежного водоворотика. «Уток», похожих (очень похожих!) на гогаей, рождал шумевший выше пережат.

Охотник встал и смущённо глянул налево и направо. При существующем безлюдье никто не мог быть свидетелем его оплошки. Подобные ляпы - казусы случались и раньше, ещё по юношеской горячности. Но бывало и наоборот: живые, трепетные, с горячей кровью птицы принимались за холодные пенные шапки, и тогда охотнику оставалось лишь корить да кастерить себя. Не лишней бывает перестраховка для охотника, так же как для сапёра, подводника, шахтёра, строителя...

«...И разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, дружю».

Охотник шёл на вечеру к деревне, а рубцовская фраза продолжала оставаться с ним. Его «эмигрантство» давно повисло «ключьями» на суках лесных чащоб. Он не был чужд

ни оставшемуся за спиной лесу, ни «быстрой, каменистой» речке, подшутившей сегодня над ним. На эту пору речка отпустила своих и проводила временно гостивших северянок туда, где тепло и кормно. Жило, одним словом. Охотник не был перелётной «птицей». Он не изменил и не сбежал из лесов своей памяти, а просто вырвался, разорвал путы, ставшей мелочной, ущербной и убогой жизни. Раздвинул прутья жизненной «клетки», где поселились ложь и обман. Красота лесного мира осталась с ним. Осталась в воспоминаниях, и регулярно будет пополняться щедрыми порциями с каждым походом в лес. На охоту. На рыбалку. За грибами, ягодами. Будут экскурсии за красотой и будут попытки рассказать о ней другим людям.

Эти мысли пришли охотнику в голову уже на горке, приютившей деревню и приближающей огоньки окон к небесным звёздам. Он оглянулся на черноту ночи, в которой уже невозможно было разглядеть контуры леса. Тогда он заглянул в свою душу. В ней не было утренней черноты от присвоенного себе статуса изменщика и перебежчика. Рассеялась она, словно дымок, вылетевший из ствола после выстрела. Да и выстрел-то был не дымным порошком, а бездымкой.

У охотника из кармашка рюкзака одиноким скромным веерочком торчал хвостик рябчика. Это была его единственная добыча. Но ни с каким самым добычливым выстрелом нельзя было сравнить чувство душевного примирения и успокоения. «Чтение» Рубцова закончилось. Утром автобус вновь отодвинет родной лесной оаём на полсотни вёрст. Отодвинет, но не отберёт. Охотник знал теперь это наверняка. На стремнину его бытия по реке времени выплыла «уточка». К ней, живой и желанной, созданной отнюдь не из пустой пены, а из женского обаяния, увезёт охотник хранящую в душе красоту.

*Ронкое - убойное, обладающее резким боем.